

(00:04:35) (Начало записи)

Приглашение на сцену: Сессия номер 12: «Что нельзя отдавать на откуп искусственному интеллекту?» На сцену приглашаются: модератор Борисенко Дмитрий Михайлович, журналист, режиссер и создатель интернет-ресурса «Главред Борисенко». Участники: Лана Бадван, журналист, востоковед, политолог. Григорьев Николай Иванович, советник генерального директора ICS Consulting, член научно-экспертного совета Института экономики Российской академии наук по проблемам управления. Сумин Игорь Александрович, генеральный директор компании «Типичная Москва», главный редактор сетевого издания «Типичная Москва», председатель Совета журналистов и медиаэкспертов России. Улумбекова Гузель Эрнстовна, ректор Высшей школы организации и управления здравоохранением, российский ученый, доктор медицинских наук. Усманов Абдул-Малик Русланович, помощник заместителя председателя правительства Чеченской Республики, министра по национальной политике, внешним связям, печати и информации Чеченской Республики. Попов Кирилл Алексеевич, программист, автор IT-проектов. Подключается по видеоконференцсвязи.

Дмитрий Борисенко: Добрый день! Очень рад видеть всех, кто пришел сюда. Рад приветствовать нашу виртуальную аудиторию, которая находится онлайн и которая будет смотреть в записи эту сессию. Сегодня мы будем говорить, наверное, об одном из наиболее революционных направлений в современной науке, в современном промышленном отношении — это искусственный интеллект. Искусственный интеллект, нейросети — то, что уже вошло в нашу жизнь, что еще вчера было некой фантастикой, сегодня стало реальностью.

И, например, я могу сказать по себе как по человеку, который занимается медийкой, что без нейросетей, без искусственного интеллекта, без того же ChatGPT, DeepSeek и так далее я уже не представляю свою работу. Потому что объем той информации, которую приходится перерабатывать в журналистике, настолько огромен, что это требует либо наличия очень серьезного редакторского отдела, либо помощи искусственного интеллекта. И искусственный интеллект, надо отдать должное, зачастую сегодня замещает большое количество сотрудников и выполняет, что называется, черновую работу. То есть весь первичный сбор информации, обработка — все это уже можно отдавать на откуп интеллекту искусственному. Мы говорим, что нельзя отдавать, но для начала поговорим, что можно отдавать, и это уже отдается искусственному интеллекту.

И для начала, чтобы не растекаться мыслью по древу, давайте я все-таки перейду к выступлению наших гостей, поскольку им есть что сказать. И первый наш сегодняшний спикер — это Кирилл Попов. И здесь как раз-таки будет у нас такой двойной момент. Во-первых, Кирилл как программист, как автор IT-проектов расскажет свое видение того, что же можно отдать нейросетям, что можно отдать искусственному интеллекту, как, вообще, те же айтишники сегодня используют эти инструменты в своей работе, насколько уже глубоко они вовлечены в этот процесс.

А второй момент тоже, на который я хотел бы обратить внимание, потому что следующий спикер (приоткрою завесу) как раз таки будет продолжать эту историю, которую сейчас

начнет Кирилл. Кирилл — один из тех IT-специалистов, который покинул нашу страну по причине того, что в Российской Федерации, к большому сожалению, сегодня наблюдаются процессы, которые во многом и зачастую вынуждают ребят молодых покидать родину и уезжать, для того чтобы реализовываться как IT-специалисты, как программисты за рубежом. То есть искать свое воплощение и, самое главное, повышение своего уровня профессионального в европейских компаниях, в азиатских компаниях, в американских компаниях. И они с удовольствием бы работали здесь, в России, но обстоятельства, о которых на этом Форуме уже, я думаю, было много сказано (не хочу повторять все то, что говорили мои коллеги), к сожалению, вынуждают многих покидать страну. И Кирилл как раз один из таких молодых специалистов. И я никогда не буду осуждать этих людей, потому что я со многими общаюсь и знаю о том, что они, конечно, любят Россию, но ситуация, еще раз повторюсь, к этому предрасполагает.

Но это такое «второе дно», скажем так. А в начале все-таки давайте послушаем, что скажет Кирилл с точки зрения того, как программисты, как люди, занимающиеся непосредственно программированием и тех же нейросетей, оценивают сегодняшнее состояние взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Кирилл, передаю слово. Пожалуйста.

(00:10622)

Кирилл Попов: Да, хочу сказать вообще, что после переезда в Европу открылось очень много заблокированных ресурсов в плане ИИ. То есть как разработчику мне сейчас намного проще, потому что нет ограничений в плане использования. За последний месяц я уже очень активно использую нейронки в плане кода. Извините.

Дмитрий Борисенко: Кирилл волнуется просто, поэтому...

Кирилл Попов: Да, честно, это первое публичное выступление моё за всё время. Можно вопрос какой-нибудь?

Дмитрий Борисенко: Ничего страшного. Давай тогда я буду, Кирилл, таким наводящим вопросы человеком, чтобы тебе было попроще. Я понимаю твое волнение, все-таки в 22 года и принимать такие решения, и одновременно выступать на таких мероприятиях — это достаточно тяжело. Но в том-то и дело, что зачастую голос наших молодых ребят, молодых программистов, молодых айтишников, в силу их скромности или нежелания, что называется, светиться, не слышен. И давай я буду тебе помогать сейчас. Скажи, пожалуйста, насколько, вообще, удобно использовать искусственный интеллект в работе программиста сегодня? Насколько ты уже не можешь представить свою работу без тех же нейросетей?

Кирилл Попов: Отличный вопрос. За последний месяц сейчас я использую одну из лучших моделей, в принципе, на рынке, и стоит она довольно дорого. И после первой покупки, я взял пробную подписку за символическую сумму, после истечения этого месяца я уже понял, что без нейросетей, без ассистента уже писать код довольно не то что сложно, но дольше. То есть сейчас разработка у меня ускорилась в два-три раза. Я быстрее ищу баги, и я уже готов полноценно платить нейросети большие суммы, чтобы они у меня были в работе. То есть я раньше никогда не любил использовать подписки, платные сервисы,

только что-то самое необходимое. Но сейчас я готов действительно купить подписку за пять, за десять тысяч рублей, чтобы этот инструмент у меня был в работе, потому что то, как он сейчас влияет... Я говорю как разработчик, потому что инструмент относительно появился недавно, и продуктов использующих эти нейросети, в принципе, не так много качественных. И да, сейчас рынок очень сильно поменяется в ближайшие пять лет.

Дмитрий Борисенко: То есть можно сказать, что нейросеть сегодня тебе помогает не просто качество работы повысить, а и сократить время на выполнение этой работы? То есть твоя производительность труда, если говорить такими старыми определениями, она значительно повысилась, правильно?

Кирилл Попов: Очень ускоряется параллельность работы, потому что я, пока анализирую какую-то задачу, могу дать нейросети промпт для изучения той или иной области, чтобы для этой задачи, когда я приступаю уже к реализации, знать весь контекст. И в принципе, на протяжении всей разработки какой-то фичи я использую этих агентов, и они мне постоянно подсказывают.

Дмитрий Борисенко: Да, я понял. Скажи, пожалуйста, а на твой взгляд, то IT-сообщество, которое сегодня находится вне пределов страны, оно же интегрировано в IT-сообщество мировое. И насколько мы с тобой общались, ты говорил, что невозможно в отдельно взятом государстве выстроить IT-систему, которая будет закрыта от мирового рынка, от тех же своих коллег. То есть это инструмент, который подразумевает такое броуновское движение, где все друг друга не то что знают, где все друг с другом коммуницируют, и это такое общество без границ.

Кирилл Попов: Да, и это касается не только программирования, это касается не только нейросетей.

Дмитрий Борисенко: Да, да, да. Это касается именно всех людей, которые этим занимаются, правильно?

Кирилл Попов: Да.

Дмитрий Борисенко: Все, давайте отпустим Кирилла. Я думаю, давайте поаплодируем человеку, потому что первый раз на таком мероприятии, конечно, волнуется. Но, я думаю, в принципе, понятно то, о чем говорил Кирилл.

(00:15:00)

И для меня главное, что он произнес, на мой взгляд, — это то, что повышается производительность труда. И нам постоянно говорят, что нужно повышать производительность труда. Дерипаска выступал недавно и сказал: «А давайте мы будем работать по шесть дней в неделю по двенадцать часов». Мне кажется, надо не такими категориями мыслить, хотя Дерипаску трудно назвать человеком, который не в материале. Нужно мыслить именно категориями изыскания так называемых внутренних резервов. А искусственный интеллект — это как раз одно из тех направлений, которые позволят раскрывать внутренние резервы и увеличивать производительность труда.

И здесь я хочу перейти ко второму нашему спикеру, как раз таки который поделится тем, что, несмотря на санкции, несмотря на непростую достаточно внешнеполитическую ситуацию, в нашей стране можно тоже реализовывать проекты, которые могут не то что даже поддерживать нас на мировом уровне с точки зрения освоения искусственного интеллекта, работы с нейросетями, а и конкурировать достаточно успешно с ведущими странами. Прежде всего, речь идет о Соединенных Штатах Америки, о Китае, о Европейском Союзе. Индия, безусловно, имеет очень сильную базу в этом отношении. И как раз таки этот пример, на мой взгляд, будет очень показательным.

Абдул-Малик Усманов сейчас расскажет нам о том, что делается в Чеченской Республике. Я сразу скажу, для меня это было откровением. Я когда узнал, я даже не мог подумать, что в нашей стране в предлагаемых обстоятельствах могут быть реализованы такие проекты, связанные с искусственным интеллектом и с нейросетями. Пожалуйста.

Абдул-Малик Усманов: Спасибо. Уважаемые коллеги, уважаемые организаторы, в первую очередь приветствую. Спасибо за предоставленное слово. В начале своего выступления я бы хотел поблагодарить главу Чеченской Республики, Героя России Рамзана Ахматовича Кадырова, ведь все достижения, о которых я скажу далее, стали возможны благодаря всесторонней поддержке нашего национального лидера.

Речь сегодня я буду вести не о теории, не о прогнозах. Я представляю решения, результаты исследовательских, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, подготовленных в Чеченской Республике совместно с лабораториями технологических вендоров стран БРИКС. Речь идет о разработках, которые уже прошли практическую проработку и в настоящее время выводятся на рынок для масштабного применения в государственных и коммерческих структурах. При, конечно, институциональной поддержке Чеченской Республики. Это не концепции, это формируемые продукты и кейсы, ориентированные на достижение устойчивого эффекта автоматизации и интеллектуализации, о которой мы как раз говорили.

Принципиально важно, что я хочу донести: в Чеченской Республике на данный момент мы уже стараемся смотреть за цифровизацию. Что подразумевает цифровизация? Цифровизация — это процесс, основной KPI которого — это внедрение компьютерных технологий в наш быт, в систему. И нужно смотреть на следующий этап — на интеллектуализацию. Это следующий уровень, это автоматизация процессов, ранее требовавших интеллектуального труда человека, с прямым экономическим эффектом. Прямой экономический эффект, о котором я говорю, может быть использован не просто как рост показателей работоспособности и так далее. Это ресурс, который может быть перенаправлен на формирование общественно значимых благ и новых моделей развития.

Что я хочу донести до аудитории сегодня? Россия на данный момент находится в точке перехода, перехода к той самой интеллектуализации, о которой я говорю. И в этой новой реальности вопрос лидерства будет определяться не доступом к ресурсам, а скоростью внедрения искусственного интеллекта, качеством решений и их конкурентоспособностью на глобальном рынке. Фактически речь идет о перераспределении экономического будущего, и этот процесс уже запущен. Стоит отметить, чтобы не опоздать в этом процессе,

мы должны действовать буквально поступательными мерами. И самое главное — делать это рентабельно.

Что я хочу сегодня объявить? О чем я сегодня хочу сказать? На территории Чеченской Республики будет открыта компания Commercial Intelligence Technologies совместно с лабораториями FreeTech, Tevian и Tesorion, кои являются российскими разработчиками в области голосовых технологий, искусственного интеллекта и решений для обработки неструктурированных данных. У них более семнадцати лет исследований и непрерывных разработок, и это сто процентов российские разработки. Это в первую очередь наша с вами безопасность. Это в первую очередь безопасность промышленных объектов, стратегических объектов государственного значения. Эти структуры обрабатывают 29 миллионов минут речи ежедневно. Это я говорю о том, где мы уже внедрились, уже работаем, не говоря о том, сколько мы потенциально можем сделать.

Ну а, собственно, авторы концепции — это мой дорогой брат, друг Максим Васильевич Козлов, шеф-эксперт по внедрению искусственного интеллекта на территории стран БРИКС, архитектор стратегии цифровой трансформации государственных институтов и кандидат экономических наук. Ну, а это вроде я.

Дмитрий Борисенко: Прошу прощения, Абдул-Малик, сразу уточним: все эти разработки являются плодом работы российских программистов, российских айтишников?

(00:21:37)

Абдул-Малик Усманов: Да. FreeTech, Tevian, Tesorion, о которых я ранее упомянул, совместно с ними мы работаем на благо Российской Федерации.

Внедрение этого всего предлагаю рассмотреть на системе, которую мы придумали. Это «Внимательное государство» — национальная цифровая система для повышения качества и эффективности работы федеральных служб, агентств неструктурированных данных на базе искусственного интеллекта. И портфель, в рамках которого эта система существует, в который входят: фабрика LLM-агентов, суверенная закрытая платформа (о ней я скажу сразу на следующем слайде, это, наверное, самый интересный наш кейс); речевая аналитика, контроль и анализ голосовых взаимодействий; видеоаналитика, интеллектуальный мониторинг городской среды или биометрических данных; информ-аналитика, глобальный мониторинг информационного поля. Компоненты системы функционируют как автономно, так и вкуче вместе.

Перейдем к первому нашему пункту. Это, собственно, суверенная фабрика ИИ-агентов. Платформа no-code/low-code для развертывания цифровых сотрудников работает полностью в офлайн-режиме. Данные не покидают защищенный периметр. Это основной акцент, на который я хочу обратить внимание, потому что, исходя из наших кейсов, даже представители крупного промышленного бизнеса государственного назначения иногда могут хвастаться тем, что их сотрудники используют западные или восточные инструменты искусственного интеллекта. Это не имеет значения. В любом случае они не наши, и это несет в себе риски: любая информация, которая загружается туда, рискует утечь.

Офлайн-агенты, о которых я говорю и которых мы предлагаем, можно без каких-либо проблем внедрять на любой промышленный объект или в любую государственную структуру. Это полная автономность. Данные не покидают защищенный периметр, о котором мы с вами говорили. Можно развернуть на изолированных серверах с нулевым доступом извне. Это идеально для обработки секретной, критической и персональной информации. Настройка происходит через естественный язык без ML-инженеров. То есть это очень просто. Мы можем создать такого AI-агента буквально в течение 72 часов, и он будет полностью автономен. Загружаем туда данные, которые нужны на промышленном предприятии, и любой сотрудник может задать интересующие его вопросы. Ведь сколько бы опыта за спиной ни было, все равно остаются вопросы, связанные с профилем деятельности. Это, в первую очередь, повышение квалификации сотрудников.

Масштабирование: мы можем обрабатывать от 50 до 1000 запросов в секунду. Полный контроль и аналитика через JavaScript. Результат — цифровой сотрудник без риска компрометации данных.

Следующий пункт, о котором я хочу сказать, — это система речевой аналитики. Она подразумевает программно-аппаратный комплекс: платформу речевой аналитики, микрофоны, аудиорегистраторы, аудиобейджи. Для государственных или коммерческих учреждений мы можем анализировать большие объемы голосовых данных.

(00:25:13)

Это полезно для операторов связи, для банков, которые работают непосредственно с клиентами. Можно выставлять оценку работы своего сотрудника — оператора, который коммуницирует с человеком. Здесь самое важное — компетенции оператора. Я думаю, каждому из присутствующих понятен пример, когда вы звоните в службу поддержки банка, а отвечают вам весьма некомпетентно. Вы, вообще, задаетесь вопросом: а в тот ли банк я позвонил? Действительно, это довольно естественная ситуация, когда банки отдают всё на аутсорсинг компаниям, где работают операторы, не понимающие ни банковской структуры, ни внутренних уставов и правил. Собственно говоря, это важный пункт, на который я хотел обратить внимание.

По техническим характеристикам, куда это можно внедрять, они представлены на слайде: от МФЦ, Госуслуг и образования до медицины. Кстати, я знаю, что в ближайшее время будет затронута и медицина в том числе. Мы рады и в этом вопросе помочь, рады сотрудничеству. Правоохранительные органы, общественные пространства — применять можно везде, все зависит от того, насколько велика фантазия человека, который придет к нам со своим запросом.

Следующий пункт — система видеоаналитики. Ее технические характеристики также представлены на слайде. Я пробежусь по тому, как ее можно использовать: распознавание лиц, розыск по архиву и живому потоку, сопоставление с биометрическими данными, определение возраста и социальной группы, поведенческая аналитика, выявление подозрительных действий. Эта видеоаналитика может в любое время работать на вашем предприятии и анализировать действия на предмет опасности. То есть соблюдают ли

сотрудники правила безопасности на сталелитейном или агропромышленном предприятии. Это буквально вопрос безопасности ваших сотрудников и сокращения рисков, связанных с их здоровьем. Как бы цинично это ни звучало, это также повышение результативности и KPI — очень важный пункт.

Далее по видеоаналитике можно отслеживать номера, заторы, ДТП, остановки, очереди, запрещенные проезды, безопасность людей, запретные зоны. Масштаб применения огромен. Мы уже работаем с 20 000 камер в едином кластере. Задержка детекции минимальная, точность детекторов — 97%. На сегодняшний день это передовая, самая лучшая в стране видеоаналитика, к которой вы можете обратиться.

На сегодняшний день мир схлестнулся в ожесточенной идеологической, информационно-психологической, гибридной войне. И сегодня решается судьба наших ценностей, нашей идентичности, нашей веры. Нас пытаются дистанцировать от духовно-нравственных, традиционных ценностей, чтобы было легче нами манипулировать.

И этот инструмент «Информаналитика» масштабно используется для анализа контента в соцмедиа, для анализа комментариев, какой-то экстремистской, девиантной деятельности, которая может быть в этих комментариях, в этих публикациях представлена. То есть наша задача — как говорил известный классик: пока правда надевает штаны, ложь уже полмира оббежала. И чтобы у нас такой ситуации не складывалось, это очень полезно для информагентств, для нашего Министерства по национальной политике, внешним связям, печати и информации Чеченской Республики. Собственно, это позволяет нам буквально пресекать проблему разжигания, условно, национального конфликта или чего бы то ни было еще. То есть враги не дремлют, они не ждут.

Дмитрий Борисенко: Абдул-Малик, могу сразу спросить вас? Я думаю, медийщики меня поддержат. Очень насущная проблема, особенно с воцарением нейронок, искусственного интеллекта — сейчас это так называемые дипфейки.

(00:30:05)

Зачастую конфликт Ирана с Соединенными Штатами и Израилем показал, как обе стороны использовали дипфейки. Система, о которой вы говорите, может быть настроена на определение и блокировку такого контента, который является фальшью?

Абдул-Малик Усманов: Вы на самом деле предчувствуете то, что мы в своей деятельности планируем сделать. Я хотел бы это оставлять небольшим секретом, но в этом направлении мы уже работаем. В ближайшее время по этому вопросу будет представлен продукт. Это вопрос национальной безопасности. И здесь, конечно, вы, просмотрев данные по «Информаналитике», уже понимаете, куда это можно применять и как это будет использоваться.

И в свою очередь, я бы, конечно, хотел завершить свои слова цитатой первого президента Чеченской Республики, Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова. Он сказал: «В мире есть две партии: партия сатаны и партия Бога. И я, как сын своего отечества, хочу вам сказать: я искренне горд, что моя страна находится в партии Бога». Спасибо всем за внимание. Ахмат — сила, Россия — мощь.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое, Абдул-Малик. Я хочу тогда воспользоваться своим правом задать вам вопросы и обсудить вот что. У любой передовой технологии, к сожалению, есть две стороны. Мы в свое время помним, когда ядерную технологию использовали для бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и для создания ядерного оружия, хотя мирный атом очень помогает человечеству.

Говоря об искусственном интеллекте: на ваш взгляд, подобного рода системы могут быть использованы для того, чтобы, скажем так, чересчур перегнуть палку в вопросе отслеживания материалов, отслеживания комментариев? То есть цель благая — не допустить распространения фальши, лжи, разжигания межнациональной и межрелигиозной розни. Но как вы думаете, что нужно сделать для того, чтобы это благое, по своей сути, намерение не превратилось в прообраз тотального контроля, тотальной слежки?

Абдул-Малик Усманов: В первую очередь стоит понимать, что в какой-то степени мы с вами уже являемся предметом изучения для других социальных сетей — не наших, недружественных. Это первый момент, который я хочу обозначить. И, конечно, важно, в чьих руках этот инструмент. И я искренне верю... Знаете, в чеченском языке есть такая поговорка: «Если не будет старших, не будет младших; если не будет младших, не будет старших». И тут, находясь в роли младшего, мне хочется сказать, что это в руках старших, а своим старшим я доверяю.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое. И тогда позвольте, я сразу перейду к продолжению темы. Гузель Эрнстовна у нас здесь присутствует, которая готова вам рассказать о том, как искусственный интеллект используется в медицине. Он делает уже не первые свои шаги, достаточно уверенно шагает в этой отрасли, но, тем не менее, это еще относительно молодое явление для медицины.

Гузель Улумбекова: Я расскажу очень коротко о том, как сегодня ИИ применяется в здравоохранении, о балансе между пользой и риском, и немного коснусь будущего. Но если очень коротко ответить на все вопросы, которые я хочу осветить: можем ли мы избежать сегодня влияния искусственного интеллекта на наши жизни и систему здравоохранения? Нет, не можем. Какая польза и какие риски? Они примерно одинаковые, и поэтому надо быть серьезными профессионалами, чтобы различать пользу и риски. И что делать? Конечно, обучаться и окунаться в эту тему.

Сначала я хочу несколько слов сказать о терминах. Машинное обучение, или это маломощная модель искусственного интеллекта, она отвечает на узкие вопросы. Например, в здравоохранении это расшифровка визуальных снимков. Дальше появились генеративные модели или чат-боты, которые очень многие пациенты уже сегодня знают. Этот год — это год агентного ИИ, который не только может отвечать на вопросы, но и также выполнять ваши какие-то задачи, уходя в другие внешние базы данных. Ну и суперсильная модель ИИ — некоторые ученые, специалисты нас пугают этой моделью, но неизвестно, когда она будет создана; якобы она будет обладать в дополнение к когнитивным еще и творческими функциями.

Итак, почему искусственный интеллект? Потому что сегодня по экспоненте растет количество медицинских изделий с искусственным интеллектом. В Соединенных Штатах их 1200, в Китае около 400, в России — 54. Это количество практически ежедневно растет. Они высокодоступны. DeepSeek бесплатен, некоторые российские модели бесплатны, и мы спокойно можем ими пользоваться для разных целей, не задумываясь над тем, предназначены они для них или нет.

И наконец, давление IT-гигантов. Они вложили триллионы долларов, и, естественно, им нужен возврат этих денежных средств. И хотим мы или не хотим, огромный пиар, который обрушивается на наши головы, мы должны переваривать. Это российские IT-гиганты в сфере искусственного интеллекта — наверное, они ваши конкуренты, то, что сегодня делается в Чечне.

(00:36:11)

Мы не можем остановить развитие научных исследований. Сегодня все обсуждают: а можно ли вместо врача посадить фельдшера или медсестру? Да, можно, если, конечно, снабдить ее ответами искусственного интеллекта, доверенного, подчеркну. Ну а наши коллеги за рубежом уже сделали — и в России, кстати, тоже делаются шаги в этом направлении, — уже сделали такие модели, которые могут опросить вас, поставить предварительный диагноз и полностью подготовить к приему высокого специалиста.

Есть ли польза от моделей искусственного интеллекта в здравоохранении? Есть, и она огромная. Например, в административной сфере — так называемые скрайбы. Ведь и так пациенты всегда жалуются, что врач не смотрит на них, а сегодня врач может осматривать пациента, а в этот момент их беседа записывается в форме электронной медицинской карты. Принятие клинических решений — это подсказки, о которых я еще скажу. В обучении — фантастические модели. Я бы, наверное, была... Просто все мои одноклассники были бы не просто ударниками, а были бы все отличниками, как я. Взаимодействие с пациентом и, конечно, в науке.

Сегодня, например, американские врачи — уже каждый третий врач ежедневно использует большие языковые модели, специально предназначенные и не специально предназначенные, для того чтобы поискать консультации по тем вопросам, которые у них возникают.

Агенты. Например, мы работаем над агентами. Например, врач заполняет историю болезни. Поставил диагноз и забыл, что сегодня рекомендуют. Не забыл, конечно, но, может быть, хочет уточнить: а какие сегодня рекомендации есть, а как взаимодействуют несколько лекарств, которые назначили пациенту? И для этого служат специальные агенты, которые помогают ему очень быстро ответить на эти вопросы.

Замена медицинского персонала — это роботы с ИИ. Но это немножко наше будущее, потому что те роботы, которые сегодня разработаны, стоят очень дорого. Мы только-только привыкли к Da Vinci, а это уже так называемые спутниковые операционные, и они у нас будут лет через пять, потому что пока это производство никто не готов взять на себя.

Ускорение научных исследований. Существуют уже бесплатные такие базы знаний, они называются Graph RAG, где между ними составлены связи, в которых все, что известно сегодня о генетическом аппарате, о метаболизме и признаках болезней, соединено в одной базе знаний. И, естественно, это ускорит разработку лекарственных средств.

В 2026 году вышел отчет ведущих специалистов в области IT и здравоохранения, и они говорят, что главные выводы отчета: да, в тестах все эти модели, особенно большие языковые модели, показали свою эффективность. Она сопоставима, можно предсказывать болезни на десять-двадцать лет вперед. Некоторые диагностики работают с девяностодевяностопроцентной точностью.

Но я же сказала, что есть еще огромные минусы. И главные выводы отчета — это риски. Когда вы заходите в любую модель, российскую или зарубежную, большую языковую, и спрашиваете ее про свои диагнозы, она может ошибаться. Это минимум тридцать процентов случаев. Я иногда издеваюсь над этими моделями, ставлю несуществующие диагнозы и говорю: «Ну-ка, ну-ка, давай, ответь». И она с полной уверенностью, ни в одном глазу, рассказывает мне, как надо лечить несуществующие болезни. И иногда это доходит до опасности, потому что модели, в отличие от нас, врачей, не могут распознать критические ситуации.

Каковы риски и как регулировать искусственный интеллект? Но сначала об общих рисках. Сегодня, например, в Соединенных Штатах Америки уже создаются агентства, которые будут трудоустраивать «белых воротничков», которые в результате автоматизации не смогут работать больше в некоторых отраслях. Да, это ритейл, это некоторые простые маркетинговые задачи, это переводчики, это редакторы. Но некоторые другие профессии пройдут через усиление с помощью искусственного интеллекта, и мы, врачи, относимся к ним. Поэтому сейчас говорят о двух вещах — это автоматизация и аугментация.

Я хочу призвать вас прислушаться к мнению философов, психиатров. О чем они говорят? Не надо относиться к этой модели и очень много шумихи вокруг нее, что она всесильна. Коллеги, будьте осторожны. Лично я боюсь больше всего потерять свое критическое мышление, но даже я понимаю, как меняется мое мышление: от сбора информации я иду к верификации, от решения проблем — к интеграции.

(00:40:41)

Но я стараюсь. Даже вы обратили внимание — я эту презентацию делала сама. А для психически неустойчивых людей здесь возникают риски: суициды, психозы усиливаются, и поэтому у наших психиатров работы прибавится.

То, что сегодня регулируется в области искусственного интеллекта, — это гораздо меньше того, что мы на самом деле должны регулировать. Я не буду сравнивать регулирование в США (оно более либеральное) и в Европе (оно более жесткое). Я думаю, мы должны стоять где-то посередине.

Каким будет наше будущее с искусственным интеллектом? Изменится ли наше с вами поведение? Да, изменится. Философы и психологи говорят об этом. Но самое страшное — мы не должны с вами превратиться в так называемых «упрощенных людей». Изменит ли

искусственный интеллект систему здравоохранения? Да, и существенно. Как быстро это произойдет? Оно уже происходит, но реальные изменения произойдут через три-пять лет. Нас, медицинских работников, будет меньше? Нет, потому что население стареет, и объемы помощи, которые потребуются, будут только расти. Но внутри нас произойдет реструктуризация.

Как к этому подготовиться? Учиться и понимать, что такое искусственный интеллект. Какими должны быть большие генеративные модели, которыми мы сегодня пользуемся? Во-первых, они не должны создавать нам дополнительный поток пациентов с ложноположительными диагнозами, поскольку сейчас все начнут сами себе ставить диагнозы, они придут к нам, в и без того перегруженную систему здравоохранения.

Модели должны быть вероятностными. Они не должны говорить: «Делайте так». Они должны сказать: «Вы знаете, шансы, что это вот так — 23%, а вот эти шансы — 73%». И они должны быть скучными. А сегодня эти модели льстивые, они так и ждут, что вы с ними продолжите беседу. Профессиональные же модели должны быть очень скучными.

Какие тренды нас ждут в 2026–2027 годах? Во-первых, начнутся судебные дела в случаях, когда диагноз был поставлен с помощью искусственного интеллекта. Все, что будет происходить в отделениях экстренной и неотложной медицинской помощи, скорее всего, будет автоматизировано, и будут подсказки для принятия решений. И поверьте, они качественно работают. Все, что сегодня происходит между врачом и пациентом — автоматизация заполнения электронных медицинских карт (по-нашему — историй болезни). И, конечно, мы будем внедрять искусственный интеллект в наши реальные рабочие процессы. А это очень непросто, потому что потребуются их редизайн.

Барьеры на пути внедрения. Во-первых, это трудно. Но мне кажется, для нас, медиков, которые знают, как устроен человеческий организм, нет преград. У меня это заняло два года, но теперь я сама говорю программистам (в том числе и тем «первым», которые у вас выступали, я имею в виду людей такого класса), что они должны делать для системы здравоохранения. Они не диктуют нам, что они сделали, придите и поставьте. Мы, организаторы здравоохранения, говорим, что они должны сделать и для каких целей.

Это дорого. Потребуется дополнительное финансирование для всех медицинских организаций — не только на разработку, но и на внедрение. И это опасно. Надо с ясной головой понимать риски. И конечно, если говорить об отраслях и в первую очередь о здравоохранении, у нас должен быть отдельный научно-исследовательский институт при Министерстве здравоохранения (и он, кстати, создан). Все должно быть в ведении Минздрава, и у нас должна быть отдельная госпрограмма с отдельным финансированием. Грантовый принцип здесь не подходит. Нужно долгосрочное финансирование как для разработок, так и для внедрения в медицинские организации.

(00:45:05)

Должен быть единый портал, где мы обмениваемся мониторингом этих моделей, потому что, в отличие от лекарств и медицинских изделий, они могут очень быстро дрейфовать, так мы это называем, и менять свою эффективность. В медицинских организациях, конечно,

надо создавать специальных заместителей главных врачей, обучать медицинских работников. Ну а врачи — мы этим занимаемся, мы обучаем врачей, как пользоваться этими моделями, какая есть польза и риски. Они должны понимать, что они должны быть экспертами, чтобы уловить те ошибки, которые возникают.

И я сейчас, невзирая на все санкции, хочу сказать, что российскими разработчиками на российских серверах мы создали системы «Консультант студента», «Консультант врача» с большими языковыми моделями. И сейчас будет через месяц «Консультант пациента», которые, в отличие от больших языковых моделей, могут отвечать по-честному на ваши вопросы. И это базируется на доверенной базе медицинских знаний. Если они чего-то не знают, в отличие от больших или генеративных моделей, они вам скажут: «Извините, мы не знаем ответа на этот вопрос, вам надо обратиться в другое место».

И как я уже говорила на прошлом совещании, мы вас ждем продолжить разговор. У нас будет гигантский конгресс, который посвящен только одной теме — это здравоохранение и искусственный интеллект, как мы можем сотрудничать. Он состоится в Москве 22 мая. Спасибо за внимание.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое, Гузель Эрнстовна. Я тогда позволю себе задать вопрос. Наша сессия называется «Что нельзя отдавать на откуп искусственному интеллекту?» На ваш взгляд, как медика — вы вкратце уже несколько положений озвучили, — но на ваш взгляд, какая наиболее опасная вещь, которую можно ожидать при внедрении искусственного интеллекта? Что ему нельзя отдавать на откуп?

Гузель Улумбекова: Для врачей надо очень четко понимать, что любые модели, даже зарегистрированные Росздравнадзором, у нас все, что внедряется в медицину, должно обязательно пройти оценку на эффективность и безопасность. Врачам надо помнить о том, что эти модели дрейфуют, и я об этом сказала. Эту систему мониторинга мы должны создавать. Дальше: врачи прекрасно должны понимать пользу и риски, несмотря на то что внедряются даже проверенные модели.

Теперь для пациентов, уважаемые наши слушатели: нельзя стопроцентно доверять большой языковой модели. Нельзя спрашивать у нее про свой диагноз, потому что я, эксперт, отличу, когда она врет. Вы это не отличите никогда. Можно пользоваться только доверенными базами.

Дмитрий Борисенко: Вы знаете, я сразу вспоминаю бессмертное произведение Джерома К. Джерома. «Неужели у меня инфлюэнца?» – «Что вы читаете?» – «Большую британскую энциклопедию». Я подозреваю, что у нас сейчас в стране тоже многие ударились в прочтение. Я сам, грешным делом, ChatGPT пытаю иногда. Это увлекательное занятие. Я, бывает, там по полчаса сижу и говорю...

Гузель Улумбекова: Не увлекайтесь, пожалуйста.

Дмитрий Борисенко: Я знаю, да. Но затягивает, что греха таить.

Гузель Улумбекова: И берегите врачей, потому что без высоких профессионалов — тех, к которым вы придете в самую трудную минуту — а именно высоких профессионалов надо очень качественно учить, учить качественнее, чем мы это делали даже в предыдущие годы.

Дмитрий Борисенко: Скажите, пожалуйста, в процессе обучения врачей искусственный интеллект уже применяется?

Гузель Улумбекова: Ой, это фантастика. Уже применяется. Это фантастика, что он сегодня позволяет. Но это работает на доверенной базе медицинских знаний, учебниках, которые прошли через голову естественного интеллекта, лучшего в России. Они, например... Вы читаете текст. Я, например, забыла, как устроен цикл Кребса биохимический. И я говорю этой модели: «Пожалуйста, объясни мне простым языком». Она объясняет. «Переведи мне, пожалуйста, это на чеченский язык, английский язык». Вот сегодня все говорят там за рубежом что-то, а к нам уже индусы приходят и спрашивают: «А мы не можем для индусских студентов купить эту сказочную машину?» Можно придумать тесты, можно пройти самотестирование — она тут же придумает вам вопросы и поставит оценочку прямо тут же. Можно все что угодно делать. Я говорю, это фантастика. Студенты наши, если позволите даже сленг такой, они балдеют от этой модели, просто балдеют. «Мы, — говорят, — учились бы и учились».

Дмитрий Борисенко: Спасибо вам большое. Давайте перейдем к следующему нашему гостю. И я хочу предоставить слово востоковеду, журналисту, человеку, который в нашей стране, к сожалению, не очень хорошо известен, но прекрасно известен в арабском мире, поскольку выступает одним из ведущих экспертов по проблематике и России, и Ближнего Востока. Я хочу передать слово Лане Бадван, чтобы она высказала свою точку зрения относительно того, как используется в хорошем и в плохом смысле искусственный интеллект в журналистике.

(00:50:55)

Лана Бадван: Здравствуйте. Я очень рада тому, что вы пригласили меня к участию в вашей конференции. Но в связи с тем, что я не могу свободно говорить по-русски, я буду выступать на арабском языке. Арабский язык такой же красивый и значимый, но русский язык, конечно, более красив. Там столько всего написано, такие замечательные произведения искусства, литературы и так далее.

А сейчас давайте перейдем к нашей основной теме. Я приглашена к участию в этой сессии, чтобы поговорить немножко о влиянии искусственного интеллекта на те сферы, которые еще не получили должного освещения, по крайней мере, в нашей среде.

Искусственный интеллект — это такое интересное создание, которое позволяет человеку, не знающему иностранных языки, говорить на любом языке, и искусственный интеллект переведет то, что он говорит, на любой язык, который интересует аудиторию.

Но требования, которые предъявляются к искусственному интеллекту, конечно, гораздо более широкие. Искусственный интеллект уже широко применяется в ходе боевых действий, которые наблюдались сейчас и, к сожалению, идут в Сирии, Ливане, в конфликте между Ираном, Соединенными Штатами и Израилем. К сожалению, искусственный

интеллект помогает военным в достижении своих целей не для самых лучших результатов. Я имею в виду, что военные прибегают к использованию искусственного интеллекта для нанесения ударов по тем объектам, которые никак не являются военными целями. К сожалению, мы видим множество примеров, когда искусственный интеллект применяется именно в военных целях. К сожалению, искусственный интеллект применяется широко, в том числе для нанесения ударов по милиции так называемой, то есть вооруженным формированиям, которые действуют в Ливане и в других государствах Арабского Востока. При этом искусственный интеллект применяется в самых различных направлениях.

Информация, которая используется для применения искусственного интеллекта, является очень чувствительной.

(00:55:15)

При этом очень важно наложить определенные ограничения на использование информации, которая загружается в искусственный интеллект. Но возникает вопрос: насколько это возможно, чтобы мы развивали искусственный интеллект отдельно от того, как он развивается в мире? Можем ли мы наложить такие ограничения, которые будут нарушать права и интересы других? При этом очень важно понимать, что те ограничения, которые будут накладываться на применение информации, вводимой в область искусственного интеллекта, сыграют свою очень важную роль. И при этом важно понимать, что в России также прикладываются значительные усилия в этой области.

При этом мы видим, что возраст людей, которые получают доступ к искусственному интеллекту, постоянно снижается. И нередко туда получают доступ подростки. Хорошо, когда искусственный интеллект применяется в благородных целях, прежде всего в целях обучения, образования, воспитания. И сегодня можно с гордостью сказать, что российская молодежь идет в первых рядах тех, кто использует искусственный интеллект в благородных целях. И при этом искусственный интеллект должен работать так, чтобы позволять пользователям добиваться своих целей как в военной области, так и в гражданских областях, в области воспитания. Но чтобы все это было сделано в благородных целях.

При этом, естественно, возникает вопрос чувствительности той информации, прежде всего личной информации о пользователях искусственного интеллекта, потому что уже имеется множество примеров того, как она неправильно используется, в том числе в странах Ближнего Востока. И поэтому нам нужно такое применение искусственного интеллекта, которое бы работало в наших интересах, в том числе для российского народа.

К сожалению, развитие технологий зачастую приводит к тому, что результаты этого развития становятся устрашающими. Посмотрите на то, что происходит при проведении военных операций в ходе войны в Иране. Все говорят, что широко используется искусственный интеллект. В течение одного дня произошло физическое устранение высших руководителей Ирана первого, второго, третьего, четвертого ряда. И поэтому нам нужно применять такие средства, которые не позволили бы в научном плане достигать этих нехороших результатов. Поэтому молодежь, которая обучается сейчас законам и правилам применения искусственного интеллекта, должна пользоваться теми средствами и теми

методами, которые позволяли бы достигать поставленных целей благородными методами, будь то в интересах России, западных стран или каких-то других.

(01:00:26)

И мы должны при этом понимать, что применение искусственного интеллекта может нанести непоправимый вред государствам. Россия уже несколько лет тому назад поставила цель и провозгласила, что мир не может быть однополярным, и поэтому сегодня Россия продолжает развивать искусственный интеллект для того, чтобы он работал на пользу России, российского государства, российского народа. Чтобы российское государство стало еще более сильным и технологическим и во всех других областях. И поэтому, в отличие от других, мы можем прийти к другому результату, провозгласить лозунг: «Россия прежде всего». Спасибо за внимание.

Дмитрий Борисенко: Спасибо вам большое! Продолжаем наш разговор сегодняшней, и позвольте, я теперь передам слово другим участникам нашей сессии.

Я хочу попросить прокомментировать, высказать свое мнение советника генерального директора компании ICS Consulting, члена научно-экспертного совета Института экономики Российской академии наук по проблемам управления Григорьева Николая Ивановича.

Николай Григорьев: Первое, что я хотел бы сказать: искусственный интеллект, конечно, может принести нам непоправимый вред. Меня это пугает, но я более-менее понимаю, в какой области. Дело в том, что искусственный интеллект может принести нам непоправимую пользу, о чем мы очень мало задумываемся. Дело в том, что этот вопрос зависит от того, кто и как формулирует вред и пользу.

Искусственный интеллект будет с нами теперь всегда. Что ему нельзя передавать? Ему нельзя передавать ответственность. Это единственное, что ему нельзя передавать. Все остальное ему будет передано, хотим мы этого или нет. Сегодня коллега показывал презентацию, и там было сказано, что 80% китайских врачей лезают в DeepSeek. Это катастрофа, на самом деле. Уверяю вас, ровно такой же показатель, около 80%, по серому использованию больших языковых моделей во всех отраслях. Поголовно. Закончится это все очень плохо уже в 2026 году множеством судебных исков, скандалов и так далее.

Вы просто должны понимать, что когда врач лезет в DeepSeek, он заливает туда огромное количество чувствительных личных данных, в том числе пациентов. Вот простая вещь, раз уж медик сидит рядом. Вы можете с помощью искусственного интеллекта великолепно проанализировать целый ряд исследований — допустим, УЗИ или компьютерной томографии клиента. И вот врач лезет со всей этой историей в Anthropic, в Claude 4.6, и все туда сливается. Особо умные люди скажут: «А я перед этим использовал программу-анонимайзер». Сообщаю вам, что даже самые лучшие платные анонимайзеры достаточно большое количество метаданных туда поотправляют, и вы сольете все равно своего пациента.

Что нужно делать? Нужно делать закрытый контур, покупать железо дорогое и ставить туда — я очень извиняюсь, но вам придется ставить туда Qwen или DeepSeek. И больше вы туда поставить не сможете ничего. Своего у нас такого нет. И когда будет — этого я не знаю. Да,

вы поставите туда дистиллированные квантифицированные модели, более легкие, но они будут работать. Это первая часть по утечкам.

Я просто вам приведу пример. Недавно я делал deep research еще одной компании, не буду говорить какой. В результате этого я получил полный набор документов, которые эта компания никогда публично не публиковала. Понимаете? А они уже валяются там. Я посмотрел, откуда они там. А это очень просто. Вот сотруднику надо ответить на какой-то документ внутренний.

(01:05:15)

Он, соответственно, чтобы быстро ответить и хорошо ответить, он туда загружает — и до свидания. А один документ был от консультантов, которым нужно было быстро подготовить соответствующее предложение, отчет. И все это там лежит. А компания говорит: «А как же так? Откуда у вас...» Но поскольку компанию не назвал, я так скажу более-менее: «Откуда у вас Приложение №3 к Решению совета директоров от такого-то числа?» Оттуда, от ваших сотрудников.

80% сотрудников несанкционированно используют открытые большие языковые модели. Это первая опасность. Повторяю, решение очень простое: это закрытый контур строить, платить за железо. Ничего другого нет, иначе все убежит.

Вторая вещь: даже в закрытом контуре они все равно занимаются выдумыванием. Джеффри Хинтон, нобелевский лауреат, «отец» LLM, называет это красивым словом «конфабуляция». Это все равно происходит. Соответственно, мы переходим к очень важной вещи. Все очень любят чаты с умными моделями, хотят, чтобы было подороже, помощнее, и при этом ничего не делают с точки зрения архитектуры использования. А это фундаментальная вещь. Надо делать какой-то ресерч. А вы его где делаете? Как где? В ChatGPT за двадцать долларов в месяц, в Pro. Это полная хрень, извините меня, то, что он там вам выдаст. А вы знаете, где это надо делать? Не знаете? Вы должны получить список источников. Источники вы должны будете иерархировать: Tier 1, Tier 2, Tier 3, что абсолютно достоверный факт, что есть мнение авторитетной организации, что есть статья в приличном журнале, что есть просто высказывание какого-то человека. Все эти источники, первичные источники, доказательная база, claims, как говорят, должны быть выгружены, условно, в NotebookLM, то есть в некоторую среду, которая работает только с тем, что в нее загружено. Дальше вы должны сформировать матрицу источников с точной трассировкой и цитатами на источники. И на основании этой истории вы можете потом дальше что-то делать. Кто этим занимается? Никто практически. И большинство даже не слышало об этом, а просто в режиме чата что-то делает.

Последнее. Сейчас очень популярны все эти многослойные агентные системы. В апреле вышла статья очень серьезная на эту тему. Они все «дырявые» полностью. То есть если в чате внутри, например, Anthropic или ChatGPT безопасность еще кое-как соблюдается, то при построении многослойных агентных систем она отсутствует вообще полностью, она радикально небезопасна. Это просто имейте в виду. Данные страшные, повторяю, апрельские, свежее некуда, 2026 год.

И закончить я хочу еще одной вещью. Часто приходится слышать от некоторых, так сказать, экспертов по поводу того, что LLM — это значит, статистически подправляет, подставляет слова и так далее. Есть такая очень известная статья Эмили Бендер и коллег. Она, собственно, ввела этот мем — Stochastic Parrots, «стохастический попугай». Это статья 2021 года. Она очень хорошая, солидная, но она абсолютно устаревшая. Начиная с 2024 года LLM — это не стохастический попугай. Вот если вам кто-то это будет рассказывать, не верьте. Являются ли они интеллектом? Вопрос философский. Но то, что они уже давно не являются статистическим подбором слов, — это тоже уже факт. Спасибо.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое. Я прямо погрузился после вашего выступления, потому что я, конечно, понимаю, что тезис «кто владеет информацией, тот владеет миром» актуален во все времена, и голубиную почту тоже старались перехватить тогда, когда это было трендом на тот момент. Но что же тогда делать, если все так печально, с ваших слов, кроме закрытого контура и покупки железа? То есть неужели нельзя создать систему, которая была бы интегрирована в общемировое пространство и при этом хотя бы как-то подчинялась каким-то законам? Или, может быть, выработать юридическую платформу для того, чтобы этой системой можно было бы пользоваться?

(01:10:00)

Или это просто тупиковая ветвь развития эволюции, в данном случае искусственного интеллекта, надо от нее отказаться и начать двигаться в другом совершенно направлении?

Николай Григорьев: Очень хорошо отрегулированный всемирный искусственный интеллект, который подчиняется неизвестным мне «старшим братьям», меня лично не устраивает. То есть вот такое развитие — спасибо, без меня. А так можно, наверное, конечно, я не знаю.

Дмитрий Борисенко: Что тогда делать?

Николай Григорьев: Надо учиться с этим жить. Надо помнить о своей ответственности человеческой, прежде всего. И надо учиться им пользоваться и с ним, не побоюсь этого слова, коэволюционировать. Так же, как мы коэволюционировали со многими другими достижениями человечества. Но помнить, что ответственность остается за нами.

Сейчас очень страшная вещь, понимаете: раньше все эти модели архитектурные писались исходя из того, что есть такой тезис human-in-the-loop. То есть человек на гейтах должен всегда стоять. А сейчас, с 2026 года, где-то с марта, это объявлено bottleneck — «узким горлом». И говорят, что правильно, да хрен с ним, зато мы будем быстрее, быстрее, быстрее. Мы принимаем ответственность за эти ошибки. Мы снимаем людей с гейтов, потому что они тормозят процесс архитектурно. Чем это закончится, я не знаю. Мы все в этом процессе.

Дмитрий Борисенко: Спасибо. Я вижу, хочет Гузель Эрнстовна что-то добавить по этому вопросу. Зацепило вас, видимо.

Гузель Улумбекова: Да, я абсолютно согласна, стопроцентно согласна. Просто хочу дать комментарий, что мы работаем в абсолютно закрытом контуре и без агентов, потому что

как только мы действительно ставим агентов, ты идешь во внешний контур. Поэтому это действительно очень опасно. И больницы тоже все должны работать в закрытом контуре.

Но сегодня вышла статья от компании OpenAI, которая делает этот пресловутый ChatGPT, и это как бы их стратегическая позиция по поводу создания доверенного ИИ. И одновременно вышла статья другого журналиста, который с сотрудниками, причем высокопоставленными сотрудниками компании OpenAI, высказал такое мнение, что все, что официально заявляет компания OpenAI, не соответствует действительности. И там есть серьезные провалы в качестве информации, которую выдает эта модель. Вот сегодня это произошло утром.

Николай Григорьев: Альтман — он такой, я не скажу, что он жулик, но он маркетолог. Но почитать же можно Хинтона, Суцкевера — приличных людей. Так что нет проблем.

Гузель Улумбекова: А знаете, сколько дается на проверку большой языковой модели специальной компании, научно-исследовательскому институту? Один день. Один день они это проверяют, и после этого это выходит в пространство к людям.

Дмитрий Борисенко: Гузель Эрнстовна, тогда хочу я вас спросить. Вы говорите о том, что ваши модели, которые используются в медицинских учреждениях, абсолютно закрыты. Но у нас выступал уважаемый представитель Чеченской Республики, который сказал, что как раз таки они ровно тем же самым занимаются. Они занимаются в том числе созданием таких вещей. Дальше он сам сейчас вам попробует оппонировать.

Абдул-Малик Усманов: Гузель Эрнстовна очень правильные вещи отметила в вопросах медицины. Мы не конкурируем, но занимаемся одним и тем же в этом направлении, буквально разрабатываем и работаем на благо этого государства, этой страны. Один тезис мне просто хотелось бы прокомментировать.

Насчет всемирного искусственного интеллекта я не готов утверждать. Действительно, отдавать это на откуп «старшим братьям» я не готов. Но что говорить о внутрироссийском, о государственном искусственном интеллекте? Своих «старших братьев» я знаю. И, как сказал верховный главнокомандующий: «Нравится, не нравится — терпи, моя красавица». Собственно говоря, на этом я просто отмечу этот важный момент. Как бы мы ни старались, как бы мы этого ни избегали, как бы мы от этого ни пытались уйти, единственный способ быть конкурентными здесь — как говорится, не можешь остановить сопротивление, возглавь его. Мы, собственно говоря, хотим возглавить. Спасибо.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое. И давайте перейдем дальше по нашей сессии. Я хочу предоставить слово нашему гостю. Сумин Игорь Александрович, генеральный директор ООО «Типичная Москва», главный редактор сетевого издания «Типичная Москва», председатель Совета журналистов и медиаэкспертов России. Прошу.

Игорь Сумин: Спасибо, друзья. На самом деле очень рад вас здесь всех видеть. Очень много знакомых, дорогие эксперты, такие интересные мнения, интересный разговор. Но хочется вернуться немножко к вопросу, который мы уже затрагивали у некоторых экспертов — про медиа. О том, как искусственный интеллект влияет на медиа, какие есть

угрозы, какие тенденции и что нельзя отдавать на откуп медиа и под влияние искусственного интеллекта.

Друзья, я немножко представляюсь. Я медиаменеджер, учредил два СМИ, достаточно известные городские медиа: «Типичная Москва» и Daily Moscow. Мы активно освещаем городскую жизнь. У нас ежедневно выходит более пятнадцати-двадцати материалов на сайтах. Это такая активная городская работа с различными организаторами, людьми, которые делают нашу жизнь интереснее.

(01:16:00)

И вот как раз в рамках сегодняшнего Московского экономического форума мы также являемся информационными партнерами. У нас огромная работа с контентом. И, конечно, мы в своей деятельности активно используем нейросети и искусственный интеллект. И здесь возникает такая очень большая проблема. Вообще, прежде чем говорить об искусственном интеллекте, нужно понять, что же за аудитория сегодня есть. Учитывая, что мы работаем на молодежную аудиторию, есть некоторая статистика: сегодня 74% опрошенных россиян испытывают синдром цифровой усталости. То есть контента настолько много создается человеком либо искусственным интеллектом, что у многих людей уже начинается усталость. Люди хотят закрыться от этого.

Второе — это такая всеобщая эпидемия, которую Всемирная организация здравоохранения объявила, — эпидемия одиночества. Это тоже очень большая проблема. Она связана с тем, что мы очень много времени проводим онлайн в этих инструментах, в различных чатах и прочем.

Кроме этого, есть и другие основные проблемы, которые очень сильно влияют на развитие медиа и на развитие цифровизации в обществе. Это очень важно учитывать для того, чтобы вообще заняться неким визионерством, в будущее посмотреть. Мы говорим про технологии, но мы, кроме этого, говорим здесь еще и об идеологии. И пытаюсь все время погнаться, угнаться за этими мировыми трендами, за каким-то международным прорывом, нужно задать себе вопрос: а зачем нам это вообще надо? Зачем нам быть лидерами в искусственном интеллекте? Зачем нам нужно создавать какие-то различные инструменты, которые на Западе существуют? Мы все время пытаемся играть с ними на одном поле, но мы там не будем выигрывать. Нам надо как-то кардинально от этого абстрагироваться, придумать что-то свое и на этом поле побеждать, работать со своей аудиторией. Но это громко сказано. Конечно, мы в своей практике сталкиваемся с более мелкими задачами, и я хочу о них сказать.

Говоря о том, что можно и что нельзя отдавать, я подготовил небольшую табличку, вы можете ее фотографировать. Я поделюсь своими контактами и с удовольствием эту презентацию вам предоставлю.

Что точно можно отдавать? Точно можно отдавать перевод текстов на различные языки, корректура текстов, написание, редактирование, сбор, анализ данных, мониторинг различных источников. С этим искусственный интеллект очень эффективно и классно

справляется. Выявление закономерностей, трендов, коммуникация с читателями на уровне модерирования комментариев или удаления каких-то нежелательных комментариев.

Искусственный интеллект, как и ИИ-агенты, очень хорошо может помогать в развитии нашей продуктивности: формировать расписание для нас, ставить цели, какие-то задачи, контролировать исполнение этих целей. То есть быть таким тренажером, который помогает человеческой эффективности, нам помогает.

Кроме этого, есть, допустим, генерирование креативных сценариев. Вот все говорят, что искусственный интеллект не может генерировать что-то креативное. Да конечно, он может все уже давно генерировать, и он такие может креативные сценарии создавать, которые человек не может. Поэтому, опять же, мы с искусственным интеллект не сможем сражаться на одном поле. Достаточно взять просто какие-то онлайн-шахматы, поставить уровень профессионала — мы никогда его не выиграем. Там даже суперэксперту, гроссмейстеру по шахматам, будет тяжело обыграть, а что уж говорить о каких-то более простых задачах.

(01:20:08)

Что нельзя отдавать искусственному интеллекту? Точно нельзя отдавать главенство в принятии каких-то решений. Сегодня говорили про ответственность — абсолютно с этим согласен. Но поскольку я здесь представляю медиа, СМИ, имею десятилетний опыт работы в медиаиндустрии, то здесь, конечно, хочу вам сказать, что искусственному интеллекту нельзя отдавать право решать, какая редакционная политика должна быть у СМИ. То есть эта кнопка, которую мы нажимаем ежедневно, «Опубликовать материал», не должна быть нажата искусственным интеллектом. Человек должен ее нажимать после хотя бы поверхностного анализа материалов.

Многие сегодня говорят о тенденциях в развитии синтетических медиа. Друзья, слышали, что такое синтетические медиа? Это медиа, которые полностью генерируются искусственным интеллектом: картинки, видео, текст и так далее. Например, я провел эксперимент перед выступлением. У меня есть сайт, и я там провожу определенные медиаэксперименты. Подключился по API к DeepSeek Pro. Там буквально очень недорогая платная версия токенов, которые ты можешь использовать для генерации текста в большом объеме. По расписанию можно поставить набор текста, который будет генерироваться ежедневно в течение месяца, в течение года. Он за месяц может сгенерировать то, что мы за десять лет сгенерировали. На прежнем слайде у меня было: у нас на сайте около десяти тысяч материалов, но он за неделю сгенерирует больше, чем мы за десять лет. Вот это называется синтетические медиа.

Но вопрос в другом: мы в своей практике, используя искусственный интеллект, не позволяем ему нажимать эту финальную кнопку «Опубликовать». Только после проверки человеком — главным редактором либо шеф-редактором.

То же самое — формировать редакционную политику. В работе СМИ есть много тонкостей, деликатных моментов, связанных с идеологией, с воспитанием, с просвещением, с какими-то нарративами, которые необходимо внедрять в медиа для того, чтобы поддерживать

государство. Мы все знаем об этих нарративах. Это нарративы, которые были четко сформированы в 809-м Указе Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Поэтому эти нарративы о духовно-нравственных ценностях мы как СМИ обязательно везде стараемся интегрировать.

Кроме этого, внедрять глубокие идеологические смыслы в контент, конечно, тоже нельзя отдавать искусственному интеллекту. Это будет вредоносно по отношению к медиа и к обществу. Неизвестно, что внутри, что «под капотом» этого искусственного интеллекта, что «под капотом» той или иной нейросети, которую мы используем. Вот мы постоянно говорим: нейросети DeepSeek, OpenAI и так далее. Но это все зарубежные нейросети, которые «под капотом» формируют ценности тех стран, в которых они создаются. А у нас есть несколько нейросетей, несколько искусственных интеллектов, но, к сожалению, мы о них пока очень мало знаем, и уж тем более, мы их в промышленном масштабе не можем использовать в медиа. К DeepSeek я могу за десять секунд подключиться по API, сделать, сгенерировать API-токен и подключиться. К российским нейросетям я так сделать не могу. Поэтому нам надо развивать свои отечественные нейросети, если мы хотим, вообще, на этом поле сражаться и играть. А для этого нужно не просто придумать идею, что «я хочу нейросеть создать». Нужны колоссальные, просто огромнейшие технические, технологические мощности, начиная от серверных стоек, квалифицированных кадров, которые будут это обеспечивать, систем охлаждения и так далее, и так далее, потому что нейросети в первую очередь — это громадный большой компьютер и большие вычислительные мощности. Готовы ли мы в нашей стране сейчас создавать такие огромные мощности в промышленном масштабе? Это вопрос, наверное, не ко мне.

Кроме этого, нейросетям нельзя отдавать право воспитывать молодую аудиторию, быть наставником. Многие тоже в погоне за этим трендом пытаются засунуть его везде. Уже скоро будем своих детей отдавать, чтобы нейросети их воспитывали. Не надо нейросети везде использовать. Их надо использовать только там, где они будут использоваться для нашего блага. А если мы станем заложниками нейросетей, то в конечном счете это все дойдет до того, что они сами будут решать, когда нам покушать, когда нам сходить, извините, в определенные места и так далее. Надо оставаться человеком, понимать, что человек есть образ и подобие Божие, и что никто нам не может навязать какую-то чужую, иную волю, уж тем более, превратить в робота, исполняющего указания нейросетей.

(01:25:33)

И проверка на действительность тех или иных фактов. Фактчекинг информации — это тоже очень деликатная тема. Да, нейросеть может проанализировать тысячи источников, но какие это будут источники? Можно в тысяче источников написать некорректную информацию, она ее проанализирует и выдаст вам ответ на основании некорректной информации, в них заложенной. Поэтому здесь тоже очень важен вопрос эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект — это то, что искусственному интеллекту будет не дано. Эмоциональный интеллект — это отличие человека от нейросети.

Друзья, у меня здесь большая презентация. Я подготовил слайды, поскольку я человек, работающий в медиа, и люблю мыслить визуалами. Вот такой мем есть, который как раз

очень четко описывает то, к чему мы можем прийти, если не будем его ограничивать. В общем, здесь все на картинке написано. Искусственному интеллекту, в общем-то, плевать, какое у нас внутреннее, духовное состояние. Мы не сможем от него получить того сострадания, которое есть при коммуникации с человеком, с душой человека. Этого никогда не будет. Что бы с нами ни случилось, он всегда будет в хорошем настроении, он всегда будет создавать какую-то имитацию человеческой деятельности. Но мы понимаем, что это искусственный интеллект — от слова «искусственно», нереально, несуществующе.

Мой основной посыл в том, что не надо искусственному интеллекту настолько доверять, любить его, привлекать во все сферы. Нужно его использовать как инструмент, как отвертку. Когда надо что-то закрутить — используем, когда не надо — лежит в коробке с другими инструментами.

Все, что связано с ответственностью, с этическим выбором, с эмоциональным интеллектом, с юридическими рисками и формированием смыслов, должно быть под контролем человека. Это то, что касается моей отрасли — медиаотрасли. Опять же, здесь вопрос юридический: у всех стран есть разные нормы и правовая регуляторика в сфере медиа. И никакой DeepSeek не будет точно в деталях понимать, как сегодня работать с медиа в России. Поэтому есть важные аспекты, которые только человек.

Я здесь сегодня целый день, буду рад пообщаться, если возникнут вопросы. Есть набор инструментов, которые мы используем в тех или иных историях. Есть универсальные инструменты, есть нишевые, связанные с той или иной деятельностью. Это транскрибация контента из аудио в текст, создание видео, текстов, визуалов, повышение продуктивности, отслеживание задач, KPI и формирование расписания. Есть инструменты по креативности. Пожалуйста, это все можно использовать для своего же блага.

Я, готовясь к этой презентации, решил сделать некий образ того, как сегодня влияет ИИ. Отчасти я уже об этом говорил. Это как раз начало эры агентного ИИ, когда мы будем переходить к персонализированному медиа, то есть уйдем от медиа, которое работало для всех или для каких-то отдельных категорий, придем к формату персонального медиа для каждого человека. Конец эпохи поиска. Мы уже не ищем ничего в «Яндексе», в «Гугле». Мы уже начинаем искать в нейросетях и получать более глубокие ответы.

В общем, друзья, здесь на самом деле очень такая активная большая презентация. Я понимаю, что время ограничено. С удовольствием бы услышал, если вдруг будут вопросы, от модератора в том числе. И буду рад пообщаться с вами вживую, потому что действительно есть очень много кейсов, где мы используем искусственный интеллект в медиа. Действительно, на практике, в рынке у нас есть цифры и результаты от этого. Но я все-таки хочу сказать не о технократическом подходе, когда мы используем этот инструмент везде, а все-таки об этическом синтезе, когда мы используем это во благо в определенных задачах. Это мой посыл. Спасибо.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое. Сейчас я быстренько перейду к вопросам, которые пришли к участникам сессии, но чтобы разрядить обстановку. У нас двое младших сыновей, семь лет и пять лет. И когда пошла блокировка, заблокировали Roblox, а они играли в

Roblox очень активно. И мы как-то приходим, младший, пятилетний, подходит к моей супруге и говорит: «Мама, надо подавать иск». Она говорит: «Какой иск?» — «Чтобы разблокировали Roblox». Она говорит: «Откуда ты знаешь?» А они общаются с Алисой. То есть у них стоит голосовой помощник Алиса, и они с ней разговаривают уже как с реальным человеком и говорят: «Алиса, скажи, что надо сделать, чтобы разблокировать Roblox?»

(01:31:11)

Она им говорит: «Надо подать иск». А для них это намного более естественно, чем для нас. То есть для них это уже их образ жизни – общение с искусственным интеллектом. Это тоже очень такой, мне кажется, интересный момент, который следовало бы изучить.

И давайте я перейду быстро в формате блиц к вопросам, которые задавали участникам. Первый вопрос, Абдул-Малик Усманов, вам. Вы говорите о перспективах использования искусственного интеллекта для контроля за гражданами. Но разве Китай уже не реализовал подобные механизмы на практике?

Абдул-Малик Усманов: Во-первых, не услышал в своей презентации, в своем выступлении слова «контроль» за кем-то и над кем-то. В этом направлении, я думаю, есть специалисты, которые более экспертные в этом вопросе. Это уже не к нам. Мы отвечаем только за то, что на промышленных предприятиях, в каких-нибудь государственных учреждениях можно оптимизировать работу. Всё. А контроль и все остальные вопросы, я думаю, это задача соответствующих органов и департаментов.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое. Вопрос Игорю Сумину. В журналистике, как вы думаете, какие функции должны оставаться за человеком, чтобы избежать манипуляций и искажений информации при использовании искусственного интеллекта?

Игорь Сумин: В презентации активно уже об этом говорил, что право выбора последнего нажатия на кнопку должно оставаться за человеком. Человек должен формировать редакционную политику, ни в коем случае не отдавать на откуп эти все идеологические мотивы в работе СМИ. Ну и, конечно, интегрировать ИИ в той части, где он не наносит вред сознанию, то есть не дает там огромное количество вредоносного контента и так далее. Человек должен быть регулятором этого инструмента.

Дмитрий Борисенко: Спасибо большое. Вопрос для Николая Григорьева. Какие примеры из вашей практики показывают, что не все процессы следует автоматизировать?

Николай Григорьев: Все процессы, которые можно автоматизировать, следует автоматизировать. Не следует автоматизировать неавтоматизируемые процессы.

Дмитрий Борисенко: Логично, спасибо. Гузель Эрнстовна, вопрос к вам. Не приведет ли массовое использование искусственного интеллекта к снижению самостоятельного мышления у людей? И может ли это в долгосрочной перспективе повлиять на развитие человечества? Ведь, по сути, правильно сформулированный вопрос — это уже половина решения.

Гузель Улумбекова: Я могу сказать только за врачей. Мы должны приложить все усилия, чтобы новое поколение студентов учили очень высокопрофессиональные профессора и

преподаватели. Вчера на Пленарном заседании я как раз сказала: «Давайте сделаем так, чтобы туда шли лучшие из лучших, как в советское время. Они должны получать больше, чем практикующие врачи, в два раза в среднем». Вот это наша задача — добиться этого. Иначе мы останемся и без будущего думающего поколения врачей, и без новых знаний, которыми будут питаться те же модели.

Дмитрий Борисенко: Благодарю всех за участие. На этом позвольте нам закончить нашу сессию. Думаю, что для многих из вас такая пища для размышления теперь есть обильная. Можете посмотреть потом записи, на сайте будет. Я у себя в YouTube размещу эту сессию, тоже можете комментировать. И до следующих встреч. Надеюсь, у нас будет в следующий раз уже такое продолжение начатого сегодня разговора. Спасибо. До свидания. Спасибо всем, кто принимал участие в сегодняшней сессии.

(01:35:23) (Конец записи.)